

Николай Муханов

Пылающие бездны

Фантастический роман

Н. Муханова.

Sic itur ad astra¹.

Vergilius.

Часть I

Война Земли с Марсом в 2423 году

Глава первая

Заседание Федерального Совета Земли

Федеральный Совет Земли заседал уже 72 часа без перерыва. Вернее, перерывы были обычные: через каждые шесть часов — десять минут для принятия пищепилюль, хранилища которых помещались в пюпитрах каждого из членов Совета. Этот способ питания давно уже

¹ Так достигают звезд. Вергилий.

заменял скучную и длительную процедуру «обедов» и «ужинов» старого времени.

Кроме того, через каждые 12 часов следовали радио-концерты в исполнении гениальнейших артистов мира. Последнее — в целях отдохновения внимания.

Что касается сна, то насыщенная эманацией радия атмосфера Дворца Совета давала возможность легко обходиться без этой ненужной потери времени.

Зал заседаний вмещал свыше десяти тысяч членов. Места располагались амфитеатром вокруг арены президиума.

Куполообразная постройка из светящегося зеленоватого металла — свентория, — непроницаемого ни для одного из известных на Земле элементов, своим видом опрокинутой гигантской чаши напоминала бы небесный свод, если бы такое представление о небе существовало у представителей высокого собрания. Сходство с небесным сводом, как он рисовался давно ушедшим поколениям, довершалось множеством круглых отверстий матово-звездного цвета, расположенных на высоте 500 метров и выше. К этим отверстиям от амфитеатра шли, слегка колеблясь, тонкие серебристые нити, похожие на лунные лучи. Это — воздушные пути подъемников, а звезды в куполе — выходы из зала Совета.

При помощи миниатюрных, «карманных» летательных аппаратов домашнего пользования, — обязательной принадлежности каждого, — иногда вверх и вниз по лучам бесшумно скользили служители Дворца и особо секретные курьеры президиума.

Члены собрания, находясь безотлучно в зале, имели полную возможность ни на минуту не терять связи с самыми отдаленными уголками Земли, и даже Луны, благодаря миниатюрным радио— и люксо-мембранам, помещенным у каждого на левом плече.

Стояла ничем ненарушимая тишина. Все посторонние шумы, не относящиеся к заседанию и не достигающие известной высоты звука, поглощались особыми звукоглушителями. Море человеческих голов без малейших признаков растительности, с энергично очерченными профилями, сосредоточенно, но без всякого напряжения ловило четкую, ясную, чеканную речь председателя.

Акустические условия были настолько совершенны, что позволяли без напряжения слуха улавливать обычный звук голоса в любом пункте амфитеатра.

Автостенографы на каждом пульте вели безошибочную буквальную запись речей.

Заседание происходило на мировом языке

Азире, понятном для всех жителей Земли.

Председатель собрания Омер Амечи ², молодой еще человек, лет 50, с прямым, несколько заостренным носом, сухой и костистый, с далеко выдавшимся вперед квадратным подбородком, в костюме комбинэ из эластичной ткани, плотно облегающем поджарую, подвижную, мускулистую фигуру, с почетным орденом «Звезды Федерации» на груди, говорил:

— Моя речь, Высокое Собрание, близится к концу! Смею надеяться, все мы в достаточной степени уяснили себе картину создавшегося положения. Резюмируя смысл сказанного на протяжении нескольких часов, предлагаю Высокому Собранию отнестись к моему заключению с особым вниманием и тем критическим, здравым подходом, к которому обязывает наше ответственнойшее назначение. Над мирным царством нашей культуры, над ее стремительным движением по бесконечному пути прогресса, как мрак черной бездны нависла угроза войны с ближайшей нашей соседкой — планетой Марс.

² Первое — имя, данное при рождении; остальное указывает на место рождения; в данном случае: Америка, Чикаго, — и является как бы фамилией.

Гордясь своей божественной культурой, с таким же чувством преклонения относясь к более древней культуре наших уважаемых собратьев по солнечной системе, мы, в порыве увлечения завоеваниями цивилизации, готовились было самое понятие «война» сдать в темный архив истории. Однако, не преодоленный еще нами, загадочный в своих путях инстинкт Космоса, повидимому, судил иначе. Можем-ли мы успешно бороться с этим темным инстинктом? Нет, пока не можем! Но мы можем бороться с теми, кто сгущает этот темный инстинкт, заражая им атмосферу двух миров — с правящим Советом Федерации Марса. Вспомните первую войну с марсианами, около 50 лет тому назад! Два мира, две величайших культуры, величайших и, как нам теперь доподлинно известно, — единственных в нашей планетной системе, полстолетия тому назад стояли перед лицом бездны, перед ужасом взаимного истребления. Тогда светлый Мировой Разум одержал победу над темными космическими силами, и обе культуры уцелели, чтобы продолжать свое божественное шествие. Протекло всего полстолетия. Многие из нас принимали непосредственное участие в этой борьбе миров. Пусть они сопоставят два момента развития техники — тогда и теперь. Надвигающаяся война, если ей суждено разразиться, — не будем

неразумно закрывать глаза, — может погрузить в небытие все живое. Опасение, близкое к осуществлению еще столетия назад! Что же остается делать? Принять вызов и смело вступить в борьбу? Или, щадя себя и врагов, проявить Высший Разум и отказаться от сопротивления? В первом случае — могут погибнуть два мира. Может, при благоприятных условиях, частично уцелеть один из них. Во втором случае — оба мира физически будут сохранены, но один из них, а именно — Земля, — духовно перестанет существовать. Наша, сравнительно, молодая культура будет без остатка поглощена более зрелой культурой противника, которого никто не посмеет упрекнуть в недостатке предприимчивости. Процесс обращения нас в культурное рабство может завершиться быстро, в одно-два десятилетия. Таким образом, многим из нас предстоит лично узреть закат нашей блестящей эры... Я ничего не имею добавить более...

Оратор умолк.

Глухой гул человеческих голосов, нарастая подобно приближающемуся грому, наполнил просторы бледно-зеленого зала. Пущенные на полный ход звукоглушители не в состоянии были справиться с грозным рокотом возмущения и негодования. Несколько минут стоял бурный рев человеческого приboя, тотчас же подхваченный радио— и люксографом и с быстротою света

разнесенный до обоих полюсов Земли. Население планеты жадно следило за всеми перипетиями этого исторического заседания, в котором решалась участь целого мира.

Непосредственно вслед за этим над поверхностью земного шара, от полюсов до экватора, повис возмущенный рев сотен миллиардов человеческих существ, позабывших в эту минуту обо всем, кроме возможности потерять свою независимость.

Старушка-Земля, казалось, раскрыла миллионвековые недра и изрыгнула из них весь запас своего огненного негодования.

Через две секунды — колониальная база Федерации на Луне отметила возмущение своей метрополии. А через четыре минуты приемники люксо-волн на Марсе уже фиксировали события, происшедшие в стане будущих врагов³.

Давши несколько вылиться чувству негодования, охватившему Собрание, председатель поднял два пальца левой руки. Гул в зале умолк также внезапно, как и зародился. Наступила напряженная, зловещая тишина.

³ Расстояние от Земли до Луны — 360.000 километров, от Земли до Марса — в среднем, около 70 миллионов километров. Свет проходит в секунду 300.000 километров.

Председатель гордо выпрямился и продолжал:

— Воля Высокого Собрания для меня ясна! Жребий брошен! Или Земля будет существовать в условиях своей культуры, или мы, по всей вероятности, вместе с нарушителями мира, приобщимся к Великому Молчанию Бездны.

Собрание, как один человек, ответило на слова председателя троекратным всплеском рук.

— Слово о причинах, послуживших поводом к столкновению, принадлежит заведующему междупланетным политическим равновесием Альби Афрегу⁴ — провозгласил председатель, садясь на свое место.

На трибуне появился человек лет 60, с крутым, матовым лбом, с блестящими глазами, глубоко запавшими в орбиты.

— Высокое Собрание! — начал он низким, грудным голосом, исходившим как бы из под земли. — Буду, по возможности, краток. Вы все знаете, что такое элемент «небулий» и какую роль он играет в жизни человечества. Уже за пятьсот лет до нас ученые Земли смутно догадывались о его существовании, улавливая его следы в солнечном спектре. На Земле, не смотря на самые тщательные исследования, присутствие небулия не обнаружено

⁴ Альби, рожденный в Африке, Египет.

до сих пор. Впервые небулий найден нашими учеными на Луне, при ее геологическом исследовании. С тех пор прогресс двинулся по новому пути, переполняющему гордостью человеческое сердце. С помощью небулия мы преодолели притяжение земли; его чудесные свойства помогли нам при выправлении земной оси; небулием преодолен закон инерции и побеждены колоссальные безвоздушные пространства, — и так далее, и так далее. К слову сказать, этому же чудесному элементу мы обязаны нашим коротким знакомством с Марсом, — знакомством, быть может, роковым для обеих сторон. Когда мы завязали правильные сношения с марсианами, мы убедились, что этот элемент имеется на Марсе в изобилии, однако он там не исследован и совершенно не применяется в чрезвычайно высокой технике наших соседей. Мы дали марсианам толчек к эксплуатации небулия и в короткое время едва ли не были ими превзойдены в этом направлении. Это — одно. Теперь — далее. Каждому школьнику известно о существовании в солнечной системе, между Марсом и Юпитером, до 1000 мелких планет или планетоид. Около половины из них настолько малы, что совершенно не годны для целей эксплуатации. Другая половина в большей своей части эксплуатируется нашими соседями, а в меньшей, — числом до 150, — нами.

Эксплоатация, разумеется, ведется в условиях искусственной атмосферы. Почти все эти планетоиды в изобилии насыщены небулием. Сейчас марсиане, в силу своего наибольшего приближения к этому потоку мелких планет через известные периоды времени, требуют от нас полного их очищения и передачи в свое распоряжение. Можем ли мы согласиться на подобные условия, идущие в разрез с элементарными законами культурного сожительства народов? Нет, не можем! Нам необходим небулий, как первооснова всей нашей техники. Так как залежи его на Луне совершенно иссякли, то получить этот элемент мы можем только или из наших отдаленных колоний, или же, — если судьбе угодно, — с самого Марса. Я кончил!..

Три удара в ладоши были ответом оратору.

— Слово принадлежит начальнику междупланетного флота Федерации Земли, — Гени Оро-Моску⁵, — провозгласил председатель.

На трибуну порывисто взошел человек лет 40, вполне отвечающий тому идеалу красоты, который господствовал на Земле в последнее столетие: легко-подвижной, гармонически сложенный, сухой

⁵ Гени, рожденный в Европе, Москва.

и жилистый, с выпуклой широкой грудью и тонкой стройной талией, с превосходно развитой черепной коробкой, с молниеносным взглядом глубоких темных глаз и с чрезвычайно маленьким ртом, при далеко выдавшемся вперед подбородке.

— Высокое Собрание! Мой девиз — «не говорить, а действовать», поэтому заранее прошу извинения за те шероховатости, которые встретятся в моей речи. Междупланетный флот Федерации насчитывает сто миллионов крупных и пол-миллиарда мелких боевых единиц. Средства истребления вам известны, это — на мелких судах сигма— и тау-лучи небулия, на крупных фита-лучи того же элемента. Познакомлю вас со скоростью и свойствами этих средств нападения. Скорость лучей-сигма — 180.000 километров в секунду; они разлагают на составные части всякую сложную материю, встречающуюся на их пути. Тау-лучи, достигающие скорости 200.000 километров, испепеляют встречную материю в атомную пыль. Наконец, фита-лучи, имеющие скорость до 220.000 километров в секунду, превращают всё лежащее на их пути в стихийную силу нового вида, обращающуюся под их действием в попятное движение. Против каждого из видов этой разрушительной энергии существует контр-энергия, сущность которой является военной тайной и выражается формулами, понятными нашим

специалистам. Охотно допускаю, что эти формулы известны нашим противникам, равно как и мы знаем все тайны нашего врага не хуже его самого. Разумеется, этим не стоит смущаться. Число боевых единиц Федерации Марса приблизительно на j больше нашего. Средства истребления и защиты — те же. Кроме этого, как с нашей стороны, так, вероятно, и со стороны врага будут применены новые, секретные методы борьбы, — результат достижения военной техники последних месяцев. Этим так же не следует смущаться. В виде наглядной иллюстрации могу добавить следующее: если бы все средства разрушения, имеющиеся в распоряжении враждующих сторон, сегодня были направлены на известные мишени и не встретили противодействия, — завтра по путям эклиптики Земли и Марса клубились бы лишь скопления первичной туманной материи. Впрочем, и этим не следует смущаться. Я кончил, Высокое Собрание!..

Наступило мертвое безмолвие, — Безмолвие Бездны. Ни слова, ни звука, ни движения!.. Десять тысяч человек, как один, затаили дыхание.

Наконец, председатель собрания обменялся энергичным жестом с одним из сидящих за столом президиума. Тот ответил ему выразительным, но непонятным движением двух пальцев в воздухе.

— Жребий брошен, Высокое Собрание! — твердо сказал председатель. — Назад возврата нет!

Заключительное слово принадлежит нашему величайшему ученому, начальнику всех технических сил Федерации, глубокочтимому Роне Оро-Беру^б.

Взрыв рукоплесканий, и на трибуне появился подвижной, маленький старичек с орлиным носом, в шапочке темно-фиолетового цвета и с массивными зелеными окулярами на глазах.

— Друзья и дети мои! — начал старый ученый, — мне 200 лет без года, я видывал виды на своем веку. Во время первой войны с марсианами я был уже человеком почтенного возраста. И тогда, пятьдесят лет назад, мы, два великие народа двух великих планет, имели полную возможность пополнить мировое пространство двумя новыми образованиями загадочных туманностей. Однако, мы этого не сделали и благополучно существуем до сих пор. Старушка Земля и старичек Марс, — эта достойная во всех отношениях чета, — имеют, по самому дамскому счету, по миллиардику лет. Пожелаем им прожить еще столько, и разлетимся каждый по своим делам. Победит тот, кто умеет надежно скрывать свои мысли. Здесь только-что глубокочтимый начальник флота говорил о формулах. Верьте мне, дети мои, что в этой

^б Роне, рожденный в Европе, Берлин.

старенькой черепной коробке имеются сотни формул, известных только владельцу этого никуда негодного аппарата. Их не расшифрует ни один марсианин, а следовательно, — всё обстоит благополучно в этом прекраснейшем из миров. Так-то, дети мои! А ведь я не один, нас, таких ни на что негодных старичков, у Федерации много. Дело военных — пугать, а дело ученых — успокаивать. Войны были и до нас, будут и после нас. Для живых тварей, вроде нас, людей, войны — первое удовольствие! Ну, дети мои, на сегодня я наболтал, кажется, больше чем нужно.

Громовые аплодисменты и радостные крики восторга проводили знаменитого ученого до его места.

— Ставлю вопрос о войне на голосование! Кто «за» — прошу нажать кнопку А, — сказал председатель.

Щелкнули счетные аппараты.

— 9.999 членов собрания за войну. Кто против? Никого! Кто воздержался? Тоже никого? Это странно!

— Гражданин председатель, — раздался голос с мест, — мой уважаемый сосед не голосовал. С ним случилось несчастье.

— Какого рода несчастье?

— Он скончался.

— Предлагаю почтить память почившего

вставанием!

Все встали в торжественном молчании.

— Объявляю заседание закрытым.

По серебристым воздушным путям скользили вереницы птицеподобных существ. Через минуту зал опустел. Светящиеся стены померкли и зал заседаний погрузился в молчание. Было 12 часов дня.

Глава вторая

Когда и где?

С верхних, наружных галлерей Дворца Совета открывалась обычная картина жизни Федерации.

Насколько хватал глаз, высились легкие, воздушные громады дворцов, гигантские башен, титанические конусы стройных, иглоподобных обелисков, смело брошенные ажурные заоблачные мосты и арки.

Большинство построек было сгущенного лунного цвета из прозрачного, флюоресцирующего металла.

Воздушные площади, парки и насаждения с тропической растительностью самых причудливых форм, искусственные висячие бассейны и озера, — ласкающей гаммой зеленых тонов, от сгущенно-темного до нежно-светлого, составляли одно гармоничное целое с феерическим колоритом

общественных построек.

Нигде ни пяди голой, обнаженной земли. Гений человечества одел тело своей праматери в достойные ее одежды. Нагота земли показалась-бы современному человеку столь же неуместной и неприличной, как нагота дряблого старческого тела народам древности.

Там, где когда-то свинцовым, гнетущим покровом носились тяжелые тучи, — ныне расстилались необъятные просторы голубого, дрожащего эфира. В его волнах, как стаи сказочных птиц, купались мириады стремительных обитателей воздуха — аэромашины всех возможных форм и размеров, от подавляющих воображение колоссов общественного пользования до легких прозрачных папиллопланов ⁷ специального или особого назначения. Они плавно подплывали к многочисленным башням-obeliskам, — своим «береговым» пристаням, — выбрасывали на ажурные галлерей человеческую массу и исчезали в лазурной бездне, где-то там, где скорее угадывались, чем улавливались глазом оттесненные в недостижимые выси бледно-розовые облака.

Человек ушедших поколений, взглянув на эти

⁷ Легкие мотыльковые аппараты с небольшой грузоподъемностью.

раздвинутые просторы неба, удивился-бы обилию бледных лун, расбросанных по дневной лазури. Эти луны — воздушные пристани кораблей дальнего плавания.

Удивление этого человека достигло-бы своего предела, когда бы он узнал, что еще выше, за гранью земной атмосферы, с быстротой, ужасающей воображение, носятся, подобно астероидам, санаэрожабли ⁸ междупланетных сообщений.

Точка земного шара, где находился Дворец Совета Федерации, соответствовала географическому положению древнего Урала и носила название — Гроазур.

Начальник междупланетного флота Гени Оро-Моск, любовавшись знакомой картиной с верхней галереи Дворца Совета, готовился сесть в свой аэрожабль, чтобы отправиться на короткое время домой, на Норалеско ⁹. В 15 часов ему предстояло участвовать на секретном совещании командующих флотилиями, назначенном в

⁸ Корабли безвоздушного пространства.

⁹ Север Аляски.

Азилоне¹⁰. Почувствовав легкое прикосновение к своему плечу, Гени быстро обернулся и встретился глазами с зелеными окулярами знаменитого ученого Роне Оро-Бера.

Старик ласково улыбался:

— На пару мыслей, бесценный Гени!

— Я весь внимание, великий учитель! — ответил Оро-Моск, касаясь рукой своего виска, в знак глубочайшего уважения к ученому.

— Я хотел бы с вами говорить, только не здесь. Не забывайте, что и воздух имеет уши...

— Мое время в вашем распоряжении, дорогой учитель. Когда и где?

— Прочтите!.. — старик сдвинул на лоб свои окуляры.

«Сегодня, у меня в лаборатории на Казбеке, в 17 часов», — прочитал Гени, как в книге, в глазах ученого.

— Удобно это вам? — спросил тот.

— Да, дорогой учитель, вам не придется меня ждать. Ваше приказание записано в моих мыслях неизгладимо.

— Вот и прекрасно, — кивнул головой старик, водружая свои окуляры на место. — Советую и вам, мой друг, беречь ваши мысли от посторонних

¹⁰ Азия, Вавилон.

глаз, — добавил он.

— Благодарю вас, учитель. Я думаю в настоящую минуту о вещах, которые не могут интересовать никого, кроме меня. Тем не менее, воспользуюсь вашим советом, подсказанным глубочайшей мудростью.

Гени вскинул на глаза легкие окуляры голубоватого стекла.

— Вовремя!.. — старик покосился на промелькнувшую мимо очень высокую фигуру с головой, глубоко ушедшей в плечи, и с желтовато-бронзовым цветом лица. — Надо полагать, сегодня же последует временная изоляция всех граждан Марса, проживающих в Федерации?

— Приказ уже фиксирован Политическим Советом, — пояснил Гени, в свою очередь следя за удаляющейся фигурой марсианина. — Что касается этого гражданина, я ручаюсь, он безопасен. Это бесподобный автор «Гармонии Миров», ярый противник каких бы то ни было враждебных столкновений. Его имя Гро-Фезера-Мар, и он, хотя это и несколько странно, приходится мне родственником... Это брат моей жены.

— Так?.. так... — протянул старик. — Разумеется, это не имеет никакого значения. Мало ли марсиан проживает на Земле и наших на Марсе!.. Итак, мы расстанемся, дорогое дитя...

— До условленного срока, мой великий

учитель!

— Нет, дитя мое, мы увидимся раньше: я буду там же, где и вы, в 15 часов...

Гени снова коснулся пальцами виска. Ученый, кивнув головой, направился к выступу галлерей.

* * *

Гени Оро-Моск, заметив у одного из обелисков свой аэрожабль, сделал в воздухе кругообразное движение рукой.

Машина, как по рельсам, подплыла к террасе дворца.

Около Гени вновь вырос марсианин. У него был скучающий вид и он рассеянно жевал мастику¹¹.

— Сестра Авира с тобой? — спросил Гро тоном близкого друга.

— Вероятно, в аэро¹², — ответил Гени.

¹¹ Во избежание потери зубов, ставших ненужными для человеческого организма с переходом на искусственное питание, у людей обратилось в привычку, в свободные минуты, жевать пахучую, укрепляющую мастику. Человечество стремилось сохранить зубы в целях чистоты и ясности произношения.

¹² Сокращенное название всякой воздушной машины.

— Мой братский поцелуй ей!

— Спасибо, мой вдохновенный друг.

Гени сделал поэту знак рукой и вскочил в аэро.

— Ты где проводишь вечер? — донесся до него голос шурина.

Гени не успел ответить. Аэро, сверкнув на солнце, мгновенно растаял в воздушной синеве.

Вслед за ним от террасы отделилась оригинальная гондола знаменитого ученого, — сильно вытянутая, сигарообразная, светло-зеленого цвета.

Ученый и начальник флота спешили на краткосрочный отдых к домашнему очагу. Первый — в свой уголок на Атлантиде, второй, любивший умеренные поясы — на Норалеско.

Гро Фезера-Мар втянул еще более голову в плечи, выждал, пока гондола ученого скрылась в пространство и вскочил в свой папиллоплан.

— На Атлантиду! — коротко бросил он аэровожатому.

В уютной кабинке, отделенной непроницаемой стеной от жогаго, марсианин сел к небольшому аппарату и люксографировал в пространства на условном языке, понятном лишь для начальника внешней разведки Марса:

«Война принята. Возможно, в ближайшее время буду изолирован. Сосредоточьте внимание на Гени Оро-Моске и, в особенности, на Роне Оро-Бере. Гро Фезера».

Выполнив свою задачу, поэт стал задумчиво смотреть на расстилающуюся под ним панораму.

Вдали сверкнула Атлантида.

Глава третья

Супруги с разных планет

Гени в минуты отдыха не любил быстроты лёта. Поэтому, очутившись в своем аэро и справившись с хронофором¹³ о течении времени, прежде, чем поздороваться с женой, отдал приказание пилоту лететь с известной скоростью.

Машина начальника флота являлась последним словом техники для атмосферных аэро.

Никаких моторов и двигателей, столь типичных для первых шагов авиации. Аэрожабль, построенный на принципе преодоления земного притяжения, управлялся при помощи конденсации в специальном аккумуляторе потока электронов

¹³ Прибор для проверки точного времени в любом пункте.

элемента небулия, достигающего на Землю с отдаленных звезд и автоматически извлекаемого из воздуха.

Камень преткновения древних механиков, — раскаляемость движущегося тела вследствие сопротивления воздуха, — был обойден остроумным приспособлением: само движущееся тело вырабатывало вокруг себя охлаждающую воздушную оболочку, позволяющую сохранять нормальную температуру, независимо от скорости движения. Аэрожабль имел форму сильно вытянутого эллипсоида и, — в расчете на сжатие при быстром движении, — был построен из упругого, эластичного материала, легко поддающегося деформации.

Никаких рычагов, требующих мускульной силы. Ряд кнопок на поверхности электрометра, регулирующих жизнь машины — и это все, весь аппарат управления, не считая капитана-пилота. Впрочем, машина, в случае надобности, могла управляться и автоматически.

Стенки аэрожабля, из специального прозрачного сплава, могли по желанию изменять свой цвет от самого светлого до абсолютно темного, непроницаемого ни для каких лучей и элементов, содержащихся в атмосфере.

Гени вошел в салон-кабину жены. Молодая женщина, полулежа в удобном кресле, читала

книгу, — т. е., перед марсианкой, отпечатываясь на особом экране, с изумительной отчетливостью, протекали живыми нитями мысли автора, стройные картины его вдохновенной фантазии, волшебством изобретателя заключенные в изящный аппаратик, именуемый книгой.

— Здравствуй, мое счастье!

— Здравствуй, моя жизнь!

Гени нежно поцеловал свою супругу.

Это была молодая женщина всего 15 марсовых лет, что соответствовало 28 земным годам. Ее принадлежность к другому миру сразу бросалась в глаза. Культура древней тысячевековой расы сквозила во всем. Изумительный изгиб линий тела, одетого в легкие, облегающие покровы. Несколько высокий для земной женщины рост, при чрезмерно развитом тазе и сильно выпуклой груди. Змеиная, эластичная быстрота движений. Маленькая изящная головка слегка вдавлена в плечи и сильно отклонена назад, как бы под грузом буйно вьющихся волос цвета матового золота — исключительная принадлежность женщин, так как мушны Земли и Марса давно утратили свои волосяные покровы. Откинутаая назад головка придавала желтовато-бронзовому лицу мечтательно-возвышенное, «небесное» выражение. Глаза огромные, слегка выпуклые, блестяще-черного цвета, и очень яркие от природы,

будто искусственно окрашенные губы миниатюрного рта.

Женщина с улыбкой подняла глаза на мужа и спросила:

— Надеюсь, мы направляемся домой?

Голос музыкальный, грудной, прекрасно резонирующий; легко скользящее, неземное произношение.

— Домой, моя радость! Рассказывай, что ты поддельвала в мое отсутствие?

— Скучала дома... Читала... Пела... Летала к подруге в Аменейро¹⁴. Вместе музицировали... Читали стенограммы вашего скучного заседания... Получила твою радиogramму и поспешила к тебе на встречу!

— Благодарю! — Гени поцеловал супругу в лоб и опустил около нее. Та по-детски доверчиво прильнула к его груди, заглянула в глаза.

— Сними свои противные очки. Мы одни и никто не прочтет твоих смелых мыслей.

— Изволь, мое счастье!

— Значит война?

— Да, дитя мое, война.

— У тебя будут неприятности из за меня?

— Почему, дитя?

¹⁴ Америка, Рио-де-Жанейро.

— Принадлежу к врагам народа.

— Ставши моей женой, ты получила права гражданства нашей Федерации. Твой брат Гро, вероятно, будет изолирован.

— Да, я знаю это. А я?

— Ты? Ты будешь навеки заключена... в моем сердце! — Гени крепко сжал супругу в своих объятиях.

— Тебе, мой дорогой, угрожает опасность и я страдаю!..

— Дитя мое, опасность, грозящая мне, не больше той, которая грозит тебе, твоим родным, знакомым и всему населению обеих планет. Не будем больше возвращаться к этому.

Они замолчали, прижались друг к другу и невольно залюбовались панорамой, раскинутой у них под ногами.

Аэро летел над древней Сибирью, центром и душой современной техники. Неиссякаемые недра этой части света давали миру почти всё, что требовалось для его счастливого, праздничного существования. Здесь были сосредоточены фабрики искусственного питания, мощные заводы, обрабатывающие радиоактивные продукты, — основу повседневного, домашнего обихода современного культурного человечества.

Бесчисленные эманатории, воскрешающие своей целебной мощью людей, обреченных смерти,

были раскинуты по берегам многоводных рек, в условиях, ближе всего соприкасающихся с нетронутой природой и сохранившихся почти только здесь на протяжении всего мира.

Колоссальные арки и виадуки, уходящие в небо гигантские подъемные краны, — ажурно-легкие, ритмически красивые в своих механических движениях, управляемые волей одного человека, — чередовались с висячими городами-садами рабочих могучей Федерации.

Окованные сталью берега кристально-прозрачных рек, извиваясь гигантскими серебряными змеями, обтекали острова буйной тропической растительности.

Физический труд отошел в область преданий. Человек являлся властелином раба-машины, — сильного, точного и послушного. Сотни миллионов техников управляли миллиардами стальных титанов, чтобы дать возможность сотням миллиардов людей двигать мирный прогресс по пути его победоносного шествия.

Гени, наблюдая картину жизни, невольно задумался о предстоящем роковом столкновении, вспомнил древний миф и подумал:

«Хронос, пожирающий своих детей»...

— Не надо таких мыслей, Ген! — поймала его взгляд Авира и шутливо провела рукой по лицу мужа.

Тот тряхнул головой:

— Нет, я так, невольно... Атавистический пережиток инстинкта смерти, неуверенного в своих силах существа...

— Это не хорошо, Ген. Ты у меня полубог и вдруг — неуверенность в своих силах! Скажи мне лучше, что тебе говорила эта зеленоглазая мумия — Роне Оро-Бер.

— Тебе, дитя, это не интересно.

— Как знать! — глаза молодой марсианки странно блеснули.

— Где вы с ним решили встретиться? — продолжала она.

— С кем?

— Разумеется, с Оро-Бером!

— А почему мы должны встретиться?

— Фи, Ген, как это не хорошо! За ложь наказывают детей, а ты... фи, фи!..

Гени рассмеялся:

— Ты хорошо читаешь мои мысли. Ты у меня проницательна, Авира! Я тебя очень люблю за твой не-женский ум, но только... только я не выношу, когда кто-нибудь мешается не в свои дела, — серьезным тоном договорил он и перешел на другую сторону кабины, как бы желая спрятать свои мысли.

Авира, за его спиной, закусил губы.

— Нехороший, нехороший! — капризно

произнесла она.

Аэро плавно подплыл к ажурной вышке и остановился.

Гени сидел, облокотясь на столик, и о чем-то думал, глядя в пространство.

— Гени, мы дома!

— А? Дома? Вот и прекрасно!

Глава четвертая Эманаторий смерти

Гени, очутившись дома, разослал несколько спешных радиogramм, посоветовал жене, во избежание лишних разговоров, поменьше показываться в общественных местах, и отдал приказание старичку-домоуправителю приготовить радио-ванну. Он хотел перед важным заседанием командующих флотилиями и перед интересующим его свиданием с гениальным ученым зарядиться запасом энергии и привести в порядок утомленные нервы.

Пройдя ряд зал различных назначений и стилей, от строго делового до фантастически-изысканных, Оро-Моск спустился по нескольким ступеням вниз к домашнему эманаторию. В бледном полусвете заросшего зеленью и цветами корридора, близь двери в эманаторий, как показалось Гени, мелькнула

какая-то тень и скрылась в густой зелени.

«Вероятно, обезьяна», — решил Оро-Моск, входя в аван-зал.

Глухая, неясная тревога, предчувствие какой-то опасности охватили всё его существо. Гени огляделся вокруг. Всё, как всегда, обычно и мирно. Обильно льется матовый свет сверху, блестят зеркально-прозрачные плиты стен и пола, дробя и отражая его фигуру в десятках поворотов.

«Пустяки. Нервы»... — заключил он и осторожно нажал кнопку вращающегося заслона в ванную комнату.

Заслон слегка приоткрылся и сухой звук, похожий на слабое замыкание электрического тока, чиркнул по слуху. С быстротой, опередившей мысль, Гени захлопнул заслон. Колющая боль в руке заставила его обратить внимание на это явление. Кисть руки покрылась красноватыми пятнами. Ясно — начинался распад материи.

«Ожог радия... Это похоже на умышленное преступление», — пронеслось в голове.

Гени позвонил домоуправителя. Тот через несколько секунд явился.

— Ириго, кто приготавливал ванну?

— Сего-Мар, ваша милость.

— Позвать его сюда. Да пришлите немедленно врача. Скажите: ожог радием...

— Великий Разум! Что такое случилось? — с

тревогой воскликнул старик. — Разве в ванне, ваша милость?!

Ириго быстро протянул руку к кнопке, с намерением заглянуть в эманаторий.

— Ириго! — предостерегающе крикнул Гени, — исполняйте то, что я приказал, и пусть никто не входит в эманаторий без моего разрешения.

Старик, охая, исчез за дверью. Немедленно явился доктор.

— Что случилось, начальник?

— Взгляните, любезный доктор, — Гени протянул врачу руку.

Тот внимательно осмотрел руку с помощью лупы.

— Да, да... Несомненно... сильный ожог радия! Рука попала в атмосферу, в переизбытке насыщенную лучами альфа. Вот это поможет нам быстро восстановить пораженную ткань.

Доктор извлек из кармана своего фиолетового одеяния, похожего на мантию, миниатюрную аптечку и смазал пораженные места какой-то бесцветной жидкостью. Нормальный цвет ткани быстро восстановился.

— Поражение случилось всего несколько минут назад. Это счастье! — Но где, каким образом? — Доктор осмотрелся вокруг.

— А, понимаю! В эманаторий! Но тогда

здесь... Великий Разум! Это преступление!.. Вы хотели войти?!

— Да, я хотел войти в эманаторий.

Доктор осмотрел руку Гени с помощью лупы.

— Рука ваша попала в поток лучей и вы почувствовали колющую боль?

— Совершенно правильно, уважаемый метр Дониас!

— Однако, вы успели быстро захлопнуть заслон? Отлично! Хорошо обладать быстротой молодости! Старость с этим не справилась бы... Эта ванна, ваша милость, рассчитана... на вечное молчание...

— Я это понял сразу, дорогой метр Дониас.

— Но с какой целью?

— И это мы узнаем, метр Дониас.

Вошел Ириго, бледный и дрожащий.

— Ваша милость!.. Этого бездельника, Сего-Мара, нигде не могут найти...

— Время терпит, Ириго. Только, когда он появится, присмотрите за ним хорошенько. А теперь, — я вас не задерживаю.

Пропустив обоих вперед себя, Гени остановился в дверях аван-зала и нащупал у бедра небольшой истребитель, заряженный страшными лучами, действия которых хватило бы на долгую человеческую жизнь. — подарок старика Роне Оро-Бера.

Через несколько секунд, в одном месте листья тропического папоротника слегка зашевелились.

Гени быстро направил на них свой истребитель.

— Кто здесь? Выходите!

Молчание.

— Или вы выйдете немедленно, или не выйдете никогда! — с угрозой сказал начальник флота.

Листья заколебались, из-за них показалась огромная голова с коричневым лицом и выпученными глазами, почти совсем ушедшая в плечи.

— А, это вы, мой милый друг Сего-Мар! Что вы здесь делали?

— Простите, ваша милость... Этот несносный попугай постоянно улетает...

— Идите в эманаторий! — жестко приказал Гени.

Коричневое лицо марсианина приняло землистый оттенок.

— Не заставляйте меня повторять...

Сего-Мар согнул свою огромную фигуру и колеблющимися шагами направился к ванной комнате. Войдя в зал, марсианин остановился.

— Откройте заслон и войдите в эманаторий, — приказал Оро-Моск.

Марсианин после момента колебаний, сделал

какое-то неопределенное движение.

Гени поднял истребитель и уставился в выпученные глаза Сего-Мара.

— Я знаю, Сего-Мар, вы, состоя у меня на службе, являетесь агентом военной разведки Федерации Марса.

— Это неправда, ваша милость!

— Это правда, Сего-Мар, бесцельно запирайтесь! Вам поручено убрать меня... Не оправдывайтесь! Вы приготовили для меня смертельную ванну... Войдите в эманаторий!

Марсианин упал на колени.

— Простите, мой господин...

— Или вы исполните мое приказание, или... — Гени направил истребитель на грудь марсианина. Тот гордо и решительно вскочил.

— Хорошо, Гени Оро-Моск! Ты оказался проницательным на сей раз. Я все равно погиб! Но, выслушай, Оро-Моск, и ты не уцелеешь! Нас легионы! И у тебя в доме, быть может, в твоей интимной комнате... Впрочем... До скорого свидания!..

Марсианин смело нажал кнопку и исчез за вертящимся заслоном с такой быстротой, что Гени едва успел уклониться от потока лучей, прижавшись к стене.

Нажав другую, потайную кнопку, Оро-Моск тем самым запер эманаторий впредь до своего

следующего прихода.

Глава пятая

В шесть дней!

Аэрожабль Гени Оро-Моска летел по направлению к Азилону в верхних, разреженных слоях атмосферы.

Приключение в эманатории вызвало в Гени бурю самых противоречивых чувств. Он чувствовал в глубине души, что несчастный Сего-Мар лишь слепая игрушка в руках кого-то более сильного и опасного и этот кто-то скрывается у него в доме. Но кто это? Этот страшный вопрос оставался без ответа и выбивал Гени из состояния равновесия, которое ему в настоящее время было так необходимо.

Перебирая в мыслях различные мелкие, незначительные факты и пытаясь построить из их звеньев цепь, чтобы по ней, как по путеводной нити, добраться до тайного и опасного врага, — Гени несколько раз упирался в своих выводах в самого близкого ему человека-жену — и каждый раз с негодованием отбрасывал всю цепь построений, решив, в конце концов, что одна из предшествовавших предпосылок была неправильной и потому выводы приобретают нелепый, чудовищный характер.

Однако, где-то в глубине души, помимо его воли, росло и ширилось глухое подозрение на любимого человека, которое никакими доводами рассудка нельзя было искоренить — и это чувство было мучительно.

Гени чувствовал, что если не явится какое-нибудь спасение извне, то он через несколько минут дойдет до безумия, до таких абсурдов, которые заставят его забыть и долг, и свои обязанности в отношении Федерации.

И это спасение явилось. Когда слабо защелкал приемник люксографа, Гени обрадовался этим звукам, как умиротворяющей «небесной» музыке.

Он сел к аппарату. Отмечались короткие, сжатые сообщения с Марса, в чрезвычайно сложном шифре, ключ от которого был известен только четверем человекам во всем мире: ему, Роне Оро-Беру и двум агентам во вражеском стане.

Депеши эти гласили:

«Сильное возбуждение. Совет Марса не сомневается в победе. Лихорадочные приготовления к выступлению».

«Деймос» и «Фобос», как выяснилось, обращены в мощные небулио-базы. Если бы явилась возможность их уничтожить, шансы оказались-бы приблизительно равными».

«Неприятель далеко не в полной мере готов к выступлению. Пройдет, вероятно, около суток».

«Линия межпланетного пространства — 179°-W . Z . — $1127^{\circ}\text{-}15'\text{S}$. X . — минирована неизвестными, вновь открытыми элементами. Формулы их удалось добыть. Ключ выясняю».

«Главное направление атаки предположено на Луну. Существует детально разработанный, хотя и несколько фантастический, план, угнать спутника Земли в пространство».

«Штаб главнокомандующего расположен в столице Федерации — Марогеносе».

«Изобретено, по слухам, средство воспламенить атмосферу Земли. Необходимо принять соответствующие меры. Подробности выясняю».

В виду важности сообщений, Гени зафиксировал их в мозгу, с помощью специального приспособления, построенного на способности некоторых лучей бирадия ¹⁵ раздражающе действовать на мозговые извилины и тем самым закреплять в памяти известные впечатления и мысли. Прием — известный очень немногим.

Хронофор показывал 14 час. 50 минут.

Аэро неся над владениями древнего Вавилона.

¹⁵ Элемент, родственный радио.

* * *

Заседание командующих воздушными флотилиями было назначено глубоко в недрах земли. Соблюдалась самая строгая конспирация. Чтобы попасть в зал заседаний, Гени должен был, предварительно проделав в окрестностях ряд сложных эволюций на своем аэро, оставить его в 50 километрах от места собрания, в одном из надежно защищенных от глаз посторонних ангаре, затем, пересевши в вагон подземной пневматической дороги, перекинуться по назначению.

Во избежание проникновения на совещание шпионов Марса, мысли каждого прибывшего фотографировались при входе, — метод, изобретенный тем же гениальным Роне Оро-Бером и построенный на принципе спектрального анализа. Спектр человеческих мыслей, подобно солнечному спектру, фиксировался на чрезвычайно чувствительной жемчужной пластинке. Самые мысли, разумеется, оставались достоянием владельца, но враждебность их общего направления отмечалась на линии спектра темными полосками.

Начальник 135 отдельной флотилии был обличен во враждебных намерениях, сознался в своем преступлении и немедленно был изъят из обращения, подвергнувшись моментальному

действию испепеляющих лучей.

На совещании была разработана краткая диспозиция, в общих чертах. В отдельности начальникам флотилий предоставлялась неограниченная инициатива действий, не выходя из общего плана. В целях защиты Земли и Луны, в 500.000 километров от центра системы, устанавливалась заградительная линия — колоссальной мощности. Боевые суда, на равном друг от друга расстоянии, должны были непрерывной цепью передвигаться в сторону вращательного движения земли со скоростью, равной ее собственному движению. Это давало возможность аэрокораблям сохранять неподвижность относительно того пункта планеты, охранять который они были предназначены.

Благодаря этому, заградительная цепь составляла одно целое с лунно-земной системой и спутник Земли, отстоящий от нее в 360.000 километрах, таким образом, находился внутри охраняемого круга.

Целый ряд мощных эскадрилий из аэроистребителей новейшей конструкции получил боевое задание безостановочно атаковать спутников Марса — Деймоса и Фобоса.

50 миллионов быстроходных судов должны были, перерезав орбиту Марса, ринуться к потоку планетоид, частью для охраны и защиты своих 150

колоний, главным же образом для истребления наиболее важных неприятельских баз.

Точка нахождения Марса в пространстве почти совпадала с прямой линией Земля-Луна-Марс, и неприятельская метрополия в данный момент находилась в наибольшем приближении к Земле. Стратегическое положение последней представлялось в высшей степени благоприятным.

На заседании подтвердилось полученное начальником флота сообщение с Марса о неполной готовности неприятеля.

Решено было воспользоваться этим обстоятельством и назначить общее наступление через 12 часов, т. е. в 4 часа следующих звездных суток.

Согласно общему постановлению, флагманское судно начальника междупланетного флота, а равно и его местонахождение во время борьбы являлись неизвестными для всех без исключения, что и составляло строгую военную тайну. Приказы начальствующим должны были рассылаться по люксографу — в зоне солнечных лучей, и по хаосографу — в тени, отбрасываемой планетами. Последний способ, повидимому, был еще неизвестен марсианам.

Боевая задача в целом сводилась к возможно быстрому истреблению средств нападения и

защиты противника, а также к уничтожению двух страшных баз марсиан, заключающих в себе колоссальные запасы энергии — спутников Марса. Последнее представлялось вполне осуществимым, в виду малых размеров подчиненных Марсу планет¹⁶.

Борьбу предполагалось закончить в шесть земных суток. На высказанное одним из начальников частей замечание о слишком коротком сроке, начальник технических сил Роне Оро-Бер не без сарказма заметил:

— Мой юный друг, количество жизненных впечатлений, которое вам надлежит получить в течение этих шести исторических дней, наверное, превзойдет сумму впечатлений целой томительно-долгой, но пассивно прожитой жизни иного старого трутня, вроде меня. Шесть суток — срок почтенный! Если бог древних в шесть дней сотворил все видимое и невидимое, то почему бы нам в такой же срок не уничтожить пару-другую ничтожных, негодных планетишек?

Взрыв восторга был ответом остроумному старику.

Ровно в 16 часов, получив последние инструкции, собрание растаяло в подземных

¹⁶ Фобос — 8,3 килом., Деймос — 7,2 килом.

галлереях.

Роне Оро-Бер при выходе слегка взял начальника флота за локоть и тихо спросил:

— Вы не забыли о нашем утреннем условии? Сейчас 16 часов!

— Я в вашем распоряжении, великий учитель! — ответил Гени.

— Вот и прекрасно! Значит, вы составите мне компанию. Отошлите-ка вашу машину к себе на Аляску, и пусть там этот допотопный рыдван отдадут маленьким детям. Для них это будет забавной игрушкой.

Гени с удивлением взглянул на ученого.

— Да, да, мое дитя! Подобный аппарат для начальника междупланетного флота в настоящий момент решительно устарел. У меня для вас имеется кое-что позамысловатее...

Глава шестая

Марсианка

Авира Гени-Мар смутно чувствовала, что муж ей не доверяет. Чувство привязанности к любимому человеку и любовь к далекой, прекрасной родине боролись в сердце этой сильной и умной женщины.

На карту ставилось ее личное счастье — с одной стороны, и благо народа, давшего ей жизнь, — с другой.

Здесь и там — вот два встречных течения, которые порождали бурю в ее смятенной душе.

Здесь — все реальное, что составляет жизнь. Там — все идеальное, что наполняет ее трепетным восторгом. Здесь — повседневные переживания супруги и матери, там — дрожат в золотистых лучах¹⁷ святые мечты юности, грезы о далеком, прекрасном, незабываемые ласки материнской руки. Там — зарождение ее внутреннего мира, сознания, родная стихия лучезарной, немеркнувшей жизни. Здесь — неизбежный конец, быть может, недалекий, небытие, урна с пеплом ее некогда прекрасного тела. Что могло бы разбить, сгладить эти страшные противоречия? Любовь супруга? Она условна и непрочна! Ласки детей? Дети ей почти чужды, они — собственность Федерации, им почти незнакомо чувство детской привязанности к виновнице их существования. Они без остатка принадлежат враждебному ей народу.

Под наплывом этих мыслей Авира сжала виски руками и глухо застонала.

— О, будь ты проклята до конца дней, человеческая ненависть! Великий Разум мира! Когда же люди научатся относиться, как к святыне,

¹⁷ Атмосфера Марса не голубоватого цвета, как на Земле, а красновато-золотистого.

к жизни себе подобных. Когда настанет золотой век любви и милосердия? Когда?

Но ответа не было. И не будет!.. Ибо некому ответить...

Несчастливая женщина, спрятав лицо в колени, долго беззвучно рыдала.

Наконец, пароксизм миновал, а с ним исчезли и последние колебания.

Она гордо выпрямилась и сверкнула глазами по направлению к статуе мужа:

— Жребий брошен! Судьба создала нас врагами, и врагами же мы останемся до конца дней, несмотря... несмотря на мою любовь к тебе!.. Моя большая радость! Мое тревожное, мучительное счастье! Мы, несмотря ни на что, — враги! И наше назначение — бороться. Пусть будет так! Когданибудь, я это знаю, ты простишь меня!..

Авира приказала позвать управляющего дома.

— Ириго, где начальник?

— Не могу знать, ваша милость.

— Он дома, по крайней мере?

— Вернее, что нет.

— Улетел на «Гермесе»?

— Не могу знать, ваша милость.

— Вы вечно ничего не можете знать, Ириго! Это становится скучным!..

— Как вам угодно, ваша милость.

— Начальник был в эманаторий?

Старик исподлобья взглянул на марсианку.

— Не могу вам ответить... может быть, да...

Авира впилась в старика колющим взглядом своих черных, блестящих глаз.

— Что за странные ответы, Ириго? Может быть начальник еще там?

— На этот вопрос могу ответить определенно: его там нет. В ванной комнате витает смерть...

Марсианка насторожилась.

— Начальник отказался от ванны, так как это грозило его драгоценной жизни... Какой-то преступник чрезмерно эманировал ванную комнату, — медленно договорил старый управитель, искоса взглянув на женщину.

Бронзовое лицо марсианки потемнело. Однако, она быстро оправилась и воскликнула уже другим тоном:

— Какой ужас! Почему же начальник не сообщил об этом мне? Надеюсь, — Ириго, вы распорядились привести в порядок эманаторий и выяснить виновного?

— Да, ваша милость. Эманация выкачена, и виновный будет найден и понесет заслуженное наказание.

Старик слегка поклонился марсианке и как бы про себя добавил:

— На Земле, у нас на Земле, ничто не остается без возмездия!..

— Я не нуждаюсь в ваших сентенциях, любезный, я приглашала вас совсем не для этого. Можете идти!

Управитель, приложив руку к виску, медленно удалился.

Авира порывисто накинула на себя темное покрывало из искусственной ткани, вырабатываемой на ее родине, и быстро пошла по направлению эманатория. Осторожно подойдя к выходу в аван-зал, она оглянулась вокруг и скрылась за дверью. Заперев на всякий случай наружную дверь, она закуталась поплотнее в покрывало и нажала потайную кнопку эманатория.

Заслон легко повернулся. Убедившись в безопасности атмосферы, женщина осторожно проникла в помещение, освещенное фосфорическим полусветом.

В кресле из темно-красного металла, не поддающегося действию лучей радия, в позе древних египетских фараонов, слегка откинувшись назад, сидел скелет мужчины с черепом, глубоко ушедшим в плечи.

Марсианка вздрогнула от неожиданности, но быстро оправилась и бросилась к скелету. На согнутом локте последнего блестел браслет. Авира быстро нагнулась и прочла надпись на браслете:

«Сего-Мар».

Крик ужаса вырвался из ее груди.

— Сего-Мар! Мой славный, верный Сего-Мар! Мой дорогой учитель и руководитель детских игр! Да почует над твоим прахом невозмутимый покой Вечного Молчания! Ты — первая искупительная жертва вражды двух великих миров! Вечный мир тебе! Вечный покой! Вечная память!

Марсианка благоговейно склонилась перед скелетом на колени и дотронулась рукой до почерневших костей, с намерением коснуться их губами.

Кости скелета с сухим звоном рассыпались по розовому, блестящему полу эманатория.

Глава седьмая

Война началась

Роне Оро-Бер полулежал с закрытыми глазами в покойном кресле и, казалось, дремал.

Сидевший напротив него Гени Моск, не решаясь прервать молчания, с чувством, близким к благоговению, смотрел на великого ученого.

Аэрожабль последнего направлялся сейчас к горам Кавказа умышленно круглым путем.

После искусственного выправления земной оси водные пространства Земли значительно изменили свои очертания. В этой части света Персидский залив, устремившись на соединение с водами

Красного моря, покрыл собою большую часть Аравийской пустыни. Средиземное море поглотило острова Архипелага и, расширив проливы между Европой и Азией, властно влилось в Черное море. Последнее, в свою очередь, приняв в себя огромные массы воды, ринулось на соединение с Каспием, вдоль подножия Кавказского хребта. На месте лежавших когда-то вокруг необъятных степей простерся обширный водный бассейн. Таким образом, образовался новый колоссальный полуостров — Кавказский.

Над этим-то полуостровом и кружилась сейчас машина Роне.

— Вы утомлены, мой учитель? — спросил, наконец, Гени.

Ученый открыл глаза, на этот раз не защищенные окулярами.

— Я? Нет, дитя мое! Состояние, о котором вы упомянули, для меня непонятно. Просто, воспользовавшись свободной минутой, я задумался над разрешением одной проблемы. Дело в том, что я не могу не чувствовать в мои годы приближения неизбежного конца, а расставаться с моим прекрасным, любимым миром еще не хочется. Так вот я и соображаю, нельзя ли как-нибудь обмануть природу. Перед человечеством в недалеком, быть может, будущем, намечаются такие возможности, о которых жутко подумать! Хотелось бы увидеть эти

возможности хоть одним глазком. У меня давно уже шевелится одна идея, так сказать, созидательного свойства. К сожалению, разработка очередных разрушительных идей не оставляет времени подумать об этом посерьезнее... Вопрос — насущный для всего человечества, но, кажется, заставляют меня заниматься им не совсем почтенные побуждения: — самому пожить подольше!

Старый ученый добродушно рассмеялся.

— Вы клевете на себя, дорогой учитель! В эгоизме вас едва ли кто посмеет заподозрить, — с улыбкой сказал Гени. — Интересы человечества...

— Так ведь и я — часть человечества! Каждый заботится сначала о части, а уже потом — о целом. Все мы из одной материи! Идея же моя вот какова. Средняя продолжительность человеческой жизни на Земле, к настоящему времени, благодаря всевозможного рода прививкам, достигла 150 лет. Раньше люди жили гораздо меньше. Марсианин в среднем живет столько же, т. е. те же 150 лет, — своих лет, заметьте. А ведь их год почти вдвое дольше нашего. Следовательно, фактически, марсиане вдвое долговечнее нас. В условиях земной обстановки жизнь марсианина укорачивается, применяясь к счету наших годов. И, наоборот, век уроженца Земли, акклиматизировавшегося на Марсе, соответственно

удлинится, в виду большей продолжительности тамошнего года. Следовательно, все зависит от продолжительности обращения планеты вокруг солнца. Вы когда-нибудь задумывались над этим явлением, дитя мое?

— Откровенно говоря, — нет, — как бы извиняясь ответил Гени.

— А вот я задумываюсь и частенько. Очевидно, мы здесь имеем дело с одним из неисследованных еще законов природы. Если бы на Юпитере или Сатурне проживали особи вроде нас с вами, продолжительность их жизни, по моей гипотезе, также приближалась бы к 150 годам... Их годам! Ну, а если переведем на наше счисление? Это будет для жителя Юпитера в 12 раз больше нашего, а для сатурнянина — почти в 30! Разница — над которой есть смысл подумать!..

Старик улыбнулся тихой, ласкающей улыбкой. Его глубокие глаза блестели молодым огнем.

— Какая головокружительная идея! — в восторге воскликнул Гени. — Но как подойти к ее осуществлению?

— Пути подхода найдутся, следует только не жалеть мозгов. Вот хотя бы... Но, Великий Демиург! Посмотрите, что там творится впереди!!.

Ученый быстро вскочил, увлекая за собою Оро-Моска. Далеко под их ногами, как тело

чушуйчатого дракона, сверкал на солнце Кавказский хребет. Там, где высокие горные пики, словно гигантские кегли возвышались над поверхностью, — вставали густые клубы дыма, седыми шапками поднимались над горами и медленно расплывались в голубом пространстве атмосферы.

Ученый торопливо открыл звуковую отдушину. В тот же момент до них донеслись, с небольшими промежутками, несколько взрывов, от которых, казалось, содрогнулось небо, и аэро, силою течения воздуха, отбросило несколько в сторону.

— Моя лаборатория! Моя лаборатория!.. Они взорвали мое любимое детище!.. — с чувством глубокого возмущения воскликнул ученый.

Гени гневно нахмурил лоб, глаза его засверкали.

— Клянусь вам, учитель, что негодяи...

Гени не договорил. Он взглянул на ученого и широко раскрыл от изумления глаза.

Момент возбуждения у старика прошел, он ласково улыбался и, положив руку на плечо Гени, по обычному, мягко заговорил:

— Мы с вами чрезвычайно остроумно поступили, сделав такой большой крюк на нашем аэро. Война началась! Неприятель проведал о нашем свидании и решил покончить одним ударом

и с лабораторией, и с двумя опасными для него людьми.

— Великий Разум! Какое несчастье! Клянусь Космосом, им это преступление дорого будет стоить! — Гени задыхался от гнева.

Ученый стоял посреди каюты. Вокруг его глаз собралась целая сеть мелких морщин, а старчески красивая фигура слегка колыхалась от внутреннего, беззвучного смеха.

— Несчастье? Нет, это величайшее счастье, дитя мое! Нас — нет! Вы понимаете: нас нет!! Мы больше не существуем для наших врагов! Мы погибли при взрыве лаборатории! Оставим их в этом роковом для них заблуждении!..

— Что вы думаете предпринять, мой славный учитель?

— Что я думаю предпринять? Что мы думаем предпринять? Это скоро узнают наши враги. У нас, слава Демиургу, не одна лаборатория, что под шапкой старого Казбека. Хе-хе-хе!.. Мы найдем для себя убежище по-надежнее!..

Ученый подошел к сигналу в капитанскую каюту и коротко приказал:

— На Гималаи!

Глава восьмая

Певец «Гармонии Миров»

Гро Фезера-Мар, автор поэмы «Гармония Миров», прозванный у себя на родине «Божественным», путешествовал по Земле «ради собственного удовольствия». У себя, на Марсе, поэт состоял председателем тайного союза, поставившего себе целью всеми средствами добиваться осуществления культурно-политической гегемонии марсиан на всех заселенных планетах. Этот союз являлся грозой не только для правящей Федерации Земли, но и для самого правительства Марса. Членами тайного союза состояли знаменитые ученые, виднейшие поэты, члены правительства, начальники боевых флотилий, гениальные техники и проч. и проч., — в подавляющем большинстве — потомки разгромленного лет 500 тому назад правящего класса «ларгомерогов», властвовавшего над жителями планеты в течение сорока марсовых веков безраздельно.

Величайшая революция марсиан, происшедшая в двадцатом году СССХХVII века новой эры ¹⁸, разметала могущественную

¹⁸ Летосчисление марсиан ведется от начала грандиозных работ по прорытию оросительных каналов, разносящих воды двух океанов, расположенных у полюсов, по всей планете. Этот период искусственного орошения и называется в истории Марса «Новой Эрой».

олигархию ларгомеров.

Первое время, казалось, ларгомероги, как класс, совершенно перестали существовать. Однако, спустя два столетия, потомки некогда всемогущих властителей вновь подняли головы, сплотившись в сильнейший союз.

Все члены союза взаимно связаны тягчайшими обязательствами до конца жизни. Вхождение в союз обставлено строжайшим ритуалом, надежно фильтрующим элементы, мало пригодные для целей союза.

Как прямая измена знамени союза, так и неумышленное раскрытие непосвященным тайных намерений этой страшной организации, карается уничтожением провинившихся и всего их потомства до пятого колена. Приговор приводится в исполнение в течение суток.

Все члены союза являются на заседания в масках. Личность председателя известна лишь Совету Пяти. Состав Совета Пяти известен — Большому Совету Пятидесяти. Далее, каждый из Совета Пятидесяти известен лишь одному из Секторальных Советов, состоящих из пятисот человек. Таких секторов пятьдесят. Всех членов Секторальных Советов 25.000. Каждый из этого числа управляет Подсектором, в который входят

рядовые члены союза. Подсекторы насчитывают от 5 до 10 тысяч членов каждый.

Правящий Совет Федерации Марса является лишь жалкой игрушкой в руках этой могущественной организации, составляющей государство в государстве, и всецело находится под ее гнетом.

Война с Землей фактически предпринята союзом ларгомеров и лишь *post factum* официально фиксирована правительством Марса.

Жена начальника междупланетного флота Земли, Авира Гени-Мар, по своему происхождению, со дня рождения являлась членом союза ларгомеров. Ее брак с Гени Оро-Моском являлся политическим шагом, к которому бедную женщину готовили с детства.

Автор «Гармонии Миров» знал наверняка, что в распоряжении военного командования Земли имеются тайные, неизвестные официально, средства борьбы, и с целью раскрытия этих тайн, лично, уже в течение довольно продолжительного времени, следил за каждым шагом видных военачальников, главным же образом за гениальным ученым Роне Оро-Бером, — предоставив начальника междупланетного флота заботам своей сестры.

Проследив за ученым, после заседания Совета Федерации, до его места жительства на Атлантиде и

зная, что старик никогда подолгу не остается дома, Гро Фезера, причалив к одной из изумительнейших террас Атлантики, остался ждать.

В это время, снесясь с Марсом, председатель союза ларгомеров был поставлен в известность о принятом там решении начать наступление не позднее 15 часов¹⁹.

В аэро поэта находилось несколько человек. Его личный секретарь, математик Аль-Загроо, — потомок марсианина, родившийся на Земле; Эйрейя Тоозе, — возлюбленная поэта, красавица с бледно-жемчужным лицом, уроженка одного из отдаленных астероидов, капитан аэро, — марсианин и двое ученых техников, — по документам — граждане Земли, в действительности — марсиане, обладающие более светлым цветом кожи. Все — члены союза ларгомеров.

— Наше наступление начнется через 15 часов, — сообщил Гро Фезера.

— А противник? — спросил Аль Загроо.

— Это мы узнаем в ближайший срок, — ответил поэт.

— Но каким образом? Разве уже было собрание Военного Совета? Ведь решение подобных вопросов зависит от него, — вмешалась

¹⁹ Продолжительность суток на Марсе 24 часа 37 м.

Эйрейя тоном человека, посвященного решительно во все тайны.

— Военный Совет собирается через два часа. Или около того, — подумав, сказал Гро.

— Тогда что же мы здесь стоим? Нам необходимо спешить, мы можем опоздать и пропустить момент!.. — заволновалась Эйрейя.

— Куда спешить, дорогая? — Поэт насмешливо вскинул на нее глаза.

— Туда, где будет происходить совет! — резонно ответила красавица.

— А вы знаете это место? — уже не скрывая тона насмешки спросил Гро.

— Я — нет, но вы — должны знать!

— И я не знаю...

— Но разве ваша сестра... — волнуясь, начала Эйрейя.

— Тсс...! — поэт нахмурил лоб и, глубоко втянув голову в плечи, с досадой отвернулся.

— О, женщины, женщины! — улыбнулся математик.

— Всё приходит в свое время! — сказал первый ученый.

— И минует в свое время! — поддержал второй.

— Но, лишь с посторонней помощью! — вновь улыбнулся Фезера. — Если во время направить, причалить и оттолкнуть...

Он повернулся к секретарю:

— Аль, вы следите за пространством?

— Да, божественный, — ответил тот, не отрываясь от аппарата. Ага, редкостная птичка взвилась под облака. Zeuzo?

— Zeuzo! Не теряйте из вида...

Разговор происходил на одном из древних мертвых языков Марса, воскресшем в среде ларгомеров.

Машина марсиан последовала в отдалении за аэро Оро-Бера. Все со вниманием следили за экраном на стене, по которому скользила тень аэро ученого, в то время, как машины не могли видеть друг друга за дальностью расстояния.

— Несомненно, старая мокрица поползла на заседание Военного Совета, — сказал Гро.

— О, с каким удовольствием я раздавила бы это насекомое! — с гримасой отвращения кинула красавица.

Неожиданно воздушная машина Роне Оро-Бера исчезла с экрана. Все всполошились и вскочили на ноги.

— В чем дело?

— Куда исчез аэро?

— Не испортился ли экран?

— Где мы находимся?

Проверили аппарат. Увеличили радиус действия. Пропустили через экран десятки машин,

отстоящих на сотни километров, — сигарообразной машины Роне нигде не было, как в воду канула.

— Где мы находимся?

— Над пустыней Сирии.

— Странно, не здесь же у них заседание Совета?

— Все возможно!..

Пока происходило заседание Военного Совета, машина марсиан обтекла колоссальные пространства, отыскивая пропавший аэро.

Взбешенный неудачей, Гро Фезера решил уничтожить лабораторию ученого на Казбеке, о существовании которой ему было известно от сестры. Он имел основание предполагать, что Роне скрылся именно в это убежище, где, возможно, собрался также и Военный Совет.

Машина подлетела к горам Кавказа с севера. Поэт невольно залюбовался чарующей панорамой горной цепи, развернувшейся под ногами:

— Когда то вершины этих гор были покрыты вечными снегами, — задумчиво проговорил он. — Клянусь, это, вероятно, было божественно красиво!

— Если бы таяние снегов не произошло раньше, это случилось бы сейчас, — сказал один из техников, устанавливая истребитель. — Как прикажете взять прицел, божественный?

— Погрейте самую лысину старика Казбека, дорогой Микорос. Zeuzo?

— Zeuzo!

— Во славу освободительного союза ларгомеров! — торжественно провозгласил Гро Фезера.

Каждый поднял левую руку кверху и все на несколько секунд застыли в этой позе.

— Война начинается! — сверкнула глазами Эйрейя.

— Да, война начинается, — повторил поэт и тихо, с грустью добавил — и вместе с ней рушится неустойчивая «гармония миров»...

Над вершиной Казбека что-то зашевелилось.

Через несколько секунд густые клубы дыма, как седыми кудрями, обволокли развенченную главу поработанного старца.

Глава девятая

Мертвые повелевают!

Сигара Роне Оро-Бера скользила над горными цепями центральной Азии. Эта часть земного шара представляла собою запрещенную зону, зорко охраняемую воздушными постами Федерации. Воздушные пространства непрерывно пронизывались радио-токами высочайшего напряжения, кругообразно обтекающими охраняемый район.

Пересечь своеобразную орбиту этого

смертоносного круга можно было только в известных пунктах, через узкие воздушные «ворота», и только тем кораблям, которые имели специальные приспособления, парализующие действия радио-волн.

Эти высочайшие в мире горные кряжи были превращены в гигантскую лабораторию, где выковывалось невидимое оружие для врагов Федерации.

Чудную картину являли эти застывшие каменные волны, расходящиеся концентрическими кругами и напоминающие панораму лунных цирков и кратеров.

Взбудораженная каменная поверхность, такая мирная, первобытная, ничем не выдавала тайн, скрытых в ее недрах. А эти недра, на огромные пространства изрытые и просверленные колоссальными артериями, кипели творческим трудом.

Дети Земли вытягивали из сосцов своей старушки-матери живительные соки, необходимые для поддержания их сложного существования.

Ученый указал своему молодому другу на одну из горных вершин:

— Вы видите, Гени, этот природный обелиск? Это высочайший горный пик на Земле. Наши предки называли его — Гауризанкар. Ныне это — мирная пристань воздушных кораблей. К ней то мы

и пристанем.

Аэро снизился на небольшую площадку и проворно уполз в невидимый сверху туннель.

— Вот мы и дома! Здесь мы надежно защищены от наших врагов, — сказал ученый и сейчас же добавил, положив руку на плечо Гени и с грустью смотря ему в глаза:

— А также и от некоторых «друзей», что гораздо важнее.

— Что вы хотите сказать этим, учитель? — несколько удивился Гени.

— Ничего, дитя мое, кроме того, что уже сказал. Просто вспомнилась древняя пословица: «Избави меня бог от друзей, а от врагов я сам избавлюсь». Будем надеяться, что мы собственными силами, с помощью одного уменья, избавимся как от одних, так и от других.

Они вышли из аэро и по движущейся подвесной дороге, в небольшом вагончике, начали опускаться в самые недра Земли.

Картина поражала своей необычностью даже начальника флота, привыкшего к виду грандиознейших технических сооружений.

Одна за другой сменялись исполинские, высеченные в каменном массиве шатрообразные залы, освещенные фосфорическим светом. По всем направлениям, точно гигантские змеи-удава, бесшумно бежали, с неуловимой быстротой,

сверкающие провода. Тысячами крутились, сливаясь в прозрачные сферические тела, отливающие всеми цветами радуги, огромные лопасти-пропеллеры. Методически двигались гигантские, башнеподобные поршни.

Можно было подумать, что именно эти, скрытые в недрах земли, колоссы являются причиной движения старушки Земли в пространстве, что здесь бьется ее никогда неустояющее сердце.

— Но я не вижу здесь людей, великий учитель! — Кто же управляет этими молчаливыми титанами? — с удивлением и восторгом спросил Гени.

— Еще больший титан — Человеческий Гений, друг мой! Он научился управлять подвластными ему силами на расстоянии, а потому — в присутствии людей здесь нет ни малейшей необходимости.

Миновав сотни зал, они пересели в сигарообразный, герметически закрытый прозрачный аппарат. Этот аппарат скользнул по рельсам и не без некоторого усилия, вызываемого каким-то внешним сопротивлением, вынес их по темному туннелю на широкий простор нового, безграничного зала, феерически засверкавшего тысячами разноцветных радуг.

Гени, пораженный невиданным зрелищем,

быстро схватил ученого за руку.

— Учитель! Моя мысль отказывается понять окружающее!

— Ничего непонятного здесь нет, — улыбнулся ученый, — эти радуги — явление кажущееся. Мы находимся в призме из граненого горного хрусталя. Радуги — результат преломления лучей — и только. Выйдем наружу.

Поражающий своими размерами зал пронизывался золотистым светом из невидимого источника.

Здесь царствовал покой. Ни одной движущейся точки. Ни единого звука. Нити проводов и трансмиссий легкой ажурной сетью уходили в высоту купола на тысячи метров. Пропеллеры, лопасти, поршни, как будто только-что остановившиеся в своем движении, застыли во всевозможных ракурсах.

— Здесь собрано всё, что изобрёл человеческий гений от седой древности до сегодняшнего дня, — сказал ученый своему спутнику. — Отсюда я имею возможность в любую минуту следить за своими врагами и... наблюдать друзей, которых, как вы знаете, очень часто нельзя оставить без повышенного внимания. Вход сюда закрыт для всех, за исключением... впрочем, вы видите это исключение сами. Почему я так поступаю? Это я вам объясню как-нибудь на

досуге... Хрустальная сигара пронесла нас через туннель, наполненный конденсированным воздухом. Других путей сообщения с миром отсюда не существует, а способ управления хрустальной машиной известен только одному человеку в мире...

— Этот человек — вы, мой гениальный учитель!

— Зачем повторяться, дитя мое?.. — улыбнулся старик. — Приступим лучше к делу. Здесь — технический пост вашего старого друга. В случае крайности, отсюда непосредственно можно управлять даже борьбой миров и следить за их разрушением.

— Это непостижимо! — вырвалось у начальника флота.

— А между тем, это — так. И вам, как одному из первых руководителей этой борьбы, необходимо знать все тайные пружины, ведущие к победе. Явные — вам, разумеется, известны лучше меня. Сейчас — 17 ч. 20 мин. Через 10 часов с небольшим начнётся атака неприятельских позиций. Все наши части, разумеется, вполне готовы и только ждут приказа к выступлению. Приказ этот может последовать и раньше. Не так ли?

— Совершенно верно, дорогой учитель. Командующих флотилиями смущает только одно обстоятельство, а именно: неизвестность

назначения новых аппаратов, которые только-что установлены на всех воздушных судах, по вашему распоряжению. Признаться, меня это, как начальника боевого флота, несколько волнует и даже... удивляет, — тихо договорил Гени.

— Не удивляйтесь и не обижайтесь, мой друг. Вы увидите, что я имел чрезвычайно веские причины скрывать назначение новых аппаратов даже от вас, дорогое дитя. Через час у нас не останется никаких неясностей, никаких сомнений. Ну-с, с чего бы нам начать? Вас что больше всего интересует в настоящий момент?

— Прежде всего — вопрос о готовности неприятеля к борьбе и час его выступления. В общих чертах я, конечно, догадываюсь...

— Не нужно строить своего благополучия на догадках, когда есть возможность точно установить факты, — прервал Роне начальника флота.

Ученый взял Гени под руку и поднялся на небольшую огороженную площадку. Площадка плавно поплыла в высоту и остановилась в самом куполе, перед целой системой сферических тел, от огромных круглых колоссов до миниатюрных шариков.

— Это — теллурий, точная модель части солнечной системы между Землей и Юпитером. Тела движутся по своим орбитам с математической точностью их оригиналов.

— Я знаком с этим, учитель. В моем распоряжении имеется несколько таких приборов, только в более скромном масштабе, — заметил Гени.

— Здесь есть некоторые приспособления, которых вы, вероятно, не имеете. Наблюдайте за Марсом.

Они стояли на спиралеобразной галлерее, уставленной сотней приборов и машин неизвестного назначения.

— Сядем, так будет удобнее, — сказал ученый, дотронувшись до рычага.

Зала погрузилась в полную темноту. В красновато-желтом свете выделялись лишь рельефные очертания Марса.

— Оденьте на глаза этот маленький рефрактор, — предложил ученый. — Что вы видите?

— Сильно увеличенную картину Марса.

— Нажмите слегка вот эту кнопку. Что вы видите теперь?

— Поразительно! — воскликнул Оро-Моск. — Я различаю общественные постройки... Да это площадь Марогеноса — столицы Марса!.. Легкие тучки... Нет, это не тучки, это — стаи воздушных машин!.. Какое сильное оживление... А вот и человеческий муравейник!..

— Нажимайте кнопку еще!..

— Отдельные фигуры... Все так знакомо... Будто я нахожусь в десяти шагах... Какая масса людей!.. Здесь десятки, если не сотни миллионов!..

— Что вы слышите, друг мой?

— Ничего, кроме вашего голоса, учитель!

— А теперь? — ученый прижал к виску Гени какую-то трубочку.

— Слышу шум далекого прибоя... Нет, это не прибой, это шум человеческой толпы... Яснее... Все яснее... Я различаю отдельные звуки, отдельные голоса...

— Прислушаемся внимательно и сосредоточим все свое внимание на площадке дворца Военного Совета. Не правда ли, какое оживление?

— Да... Заседание только-что кончилось... Шумный обмен мыслей... Выступление назначено... Возможно ли? В один час с нами! В 4 часа следующих суток!.. Вот новое подтверждение... Об этом говорят члены Совета, я узнаю их по золотым застезкам, — задыхаясь от волнения, бросал Гени.

— Я думаю, сын мой, мы узнали все, что нам нужно знать.

— Значит, неприятель был осведомлен о часе нашего наступления, — вывел заключение Гени. — Но каким образом?

— Если мы знаем о всех его действиях,

почему ему не знать о наших? А теперь будем поумнее и примем новые меры. Мы должны начать наступление на 4 часа раньше, — решительно закончил Роне.

— Я с вами согласен, учитель.

— Я сейчас разошлю повестку всем командирам частей об экстренном собрании здесь, по близости, через 2 часа.

Роне подошел к радиографу и воздушные волны разнесли во все концы Земли краткую, ничего не говорящую формулу:

X. L. y0 .S'.Z''.19.20

— Кстати, все прибывшие получат инструкции относительно новых установок, — пояснил Роне. — А теперь обратим наше милостивое внимание на старую знакомую — Землю, — весело заметил жизнерадостный ученый.

Они спустились несколько ниже.

— Для меня неясно одно, дорогой учитель... — начал Гени.

— Что именно, друг мой?

— Ведь нас больше не существует... Каким же образом?..

Старик рассмеялся и договорил:

— Каким образом мертвые могут повелевать? Самым реальнейшим, и вы в этом убедитесь. Совет

назначен под шапкою Годвин-Остена²⁰, а мертвые повелевают с Гауризанкура. Ну-с, мы вернулись с заоблачных высей. Обратим наше внимание на один островок Великого океана. Вот на этот. Что вы видите?

— Огромный зал... Вернее, сталактитовую пещеру... Небольшая группа людей за столом. Полумрак мешает рассмотреть их лица...

— А теперь? — спросил ученый.

— Мгла редет... Я ясно различаю фигуры... Идет заседание... О, силы бездны!.. Мой шурин — Гро-Фезера и...

— Что же вы не договариваете, Гени?

— И моя... Авира Гени-Мар!..

— Да, ваша жена, дитя мое! Вы не ошиблись! Вас интересует характер этого собрания?

— Интересует ли меня это? О учитель! Умоляю вас, не испытывайте моего терпения! Но как она печальна!..

— Ваша жена имеет на это некоторое право, — грустно сказал Роне, — нажмите эту кнопку и слушайте.

В аппарате послышался жесткий, ясный голос автора «Гармонии Миров».

²⁰ Самая высокая вершина Каракорумского горного хребта, смежного с Гималаями.

— Вы понимаете язык собрания? — тихо спросил ученый.

Гени кивнул головой и весь обратился в слух.

Гро-Фезера делал доклад:

«... Именем великого союза ларгомеров, наше наступление назначено в 4 часа следующих суток. Борьба обещает быть стремительной, беспощадной и разрушительной. Мне удалось в последние часы узнать чрезвычайно важные военные тайны неприятеля, о чем я немедленно должен сообщить нашему военному командованию. Есть указания, что час наступления врага будет ускорен. Я осведомился также и о характере новых истребителей, установленных на всех неприятельских судах. Не скрою, возможность победы марсиан, в которой до сего, времени никто не сомневался, становится проблематичной. Необходимо добыть секрет действия новых аппаратов, если он известен хотя бы одному человеку. Есть основание полагать, что Роне Оро-Бер и Гени Оро-Моск погибли при катастрофе на Казбеке, вызванной нами»...

Гени, не будучи в силах сдерживать своего негодования, заскрежетал зубами:

— О!.. И она!.. Она!.. Которую я так любил!..

— Тсс... — предупредил тихо ученый. — Она не могла поступить иначе... Объясню после, а теперь слушайте...

Снова послышался голос председателя ларгомеров:

«... Итак, у нас есть слабая надежда, что тайна, в которой для нас заключается вопрос бытия, погребена под развалинами Казбека. Однако, будем осторожны в выводах. Лично я не сомневаюсь, что такой хитрец, каким был старик Роне, даже погибнув сам, нашел способ передать секрет истребителей одному из своих помощников. Раскрыть этот секрет является нашей неотложной задачей».

Голос умолк.

Гени с легким стоном закрыл глаза.

— Вам ясно, в чем тут дело, сын мой? — осторожно спросил ученый.

Гени кивнул головой.

— Какие же меры мы примем, чтобы обеспечить сохранение тайны, а быть может и существование нашей культуры?

Гени быстро вскочил на ноги.

— Умоляю вас, летим немедленно туда, чтобы достойно наказать этих подлых преступников! — закричал он.

— Но ведь там — ваша жена!.. — тихо заметил ученый.

— Моя жена! Да разве у меня есть жена? Ту женщину, которая считалась моей женой, я казню собственными руками! — в бешенстве кричал

начальник флота.

— Пока нам нет надобности никуда спешить. Нажмите, для первого раза, вот эту кнопку...

Гени быстро, без колебаний, выполнил указание ученого.

Густые клубы дыма заволокли картину заседания.

Сейсмограф отметил страшной силы взрыв.

— Мертвые повелевают! — серьезно и торжественно сказал ученый.

Начальник флота стоял с высоко поднятой головой и гневно сверкающими глазами:

— Они не только повелевают, но и карают изменников!

Ровный золотистый свет вновь разлился по залу и картина катастрофы исчезла.

Глава десятая

Ход событий ускоряется

Командующие флотилиями, получив экстренную радиограмму с магической формулой — **X.L.y0 .S'.Z''.19.20** — собрались к назначенному времени в недрах Каракорума.

Эта радиограмма предназначалась только для тех лиц, у которых на левом плече были выжжены каленым железом начальные буквы формулы «X.L.» — знак, налагаемый в момент принесения

страшной клятвы на верность Федерации, после многолетней испытанной службы в высших командных должностях, — как символ непогрешимости.

Факт клеймения содержался в строжайшей тайне. Носители знака обязывались никогда и никому, не исключая самых близких лиц, не говорить о знаке, ни тем более показывать его.

Это был своего рода условный адрес «на предъявителя».

В собраниях, подобных настоящему, знак секретно предъявлялся при входе специальным контролерам в отдельном помещении, после чего ревизуемый допускался на собрание.

В небольшом сравнительно зале собраний, глубоко под землей, царило необычайное волнение. Всему миру было известно о катастрофе в Кавказской лаборатории. Большинство считало погибшими в этой катастрофе великого ученого Роне Оро-Бера и начальника междупланетного флота Гени Оро-Моска, а потому находилось в гневно-возбужденном состоянии.

Председатель Совета Федерации Ожер Амечи и заведующий междупланетным политическим равновесием Альби Афрег, выступавшие докладчиками на историческом заселении минувшим утром, находились здесь же.

На случай, если бы подтвердился факт гибели

Оро-Моска и Оро-Бера, Омер Амичи имел на руках мандат, выданный Советом Федерации, на право выбора, из числа кавалеров «Х. L.», новых начальников междупланетного флота и технических сил Федерации.

Собрание находилось в недоумении, по чьей инициативе была разослана чрезвычайная повестка? Лица, имевшие право на подобное действие, были все здесь за исключением двоих, которых считали погибшими.

Тем не менее, заседание началось строго в назначенную минуту.

Альби Афрег, по праву старшинства, занял председательское место.

Наступила тишина, в которой слышно было биение собственного сердца.

— Высокие кавалеры знака «Х. L.», — начал председатель, — мы собрались в исключительную для Федерации минуту. К глубочайшему своему прискорбию, мы не видим среди нас двух наших незаменимых вождей, — величайшего гения техники Роне Оро-Бера и храбрейшего водителя боевых сил Федерации, испытаннейшего стратега Гени Оро-Моска. Есть косвенные указания на то, что оба гения погибли жертвами вероломства наших врагов. Это тяжелый удар! Их отсутствие среди нас в этот решающий момент служит печальным подтверждением подобного

предположения. Предлагаю почтить вставанием память наших незабвенных товарищей, павших первыми жертвами великой борьбы.

Все бесшумно поднялись и застыли в торжественном безмолвии, прикрывши лица руками.

Мелодичный, вибрирующий звук приемника радиофона над председательским столом заставил всех в одно мгновение изменить положение.

Председатель перевел усилитель звука. Ясно раздался всем хорошо знакомый голос великого ученого:

— «Во славу Федерации!»

— Во славу Федерации! — радостно, в один голос ответили собравшиеся.

— «Высокие вожди знака «X. L.»! Все обстоит прекрасно в этом лучшем из миров! — продолжал голос. — Примите инструкцию по ведомству Технических Сил:

Вновь установленные на боевых судах истребители, названные мною «Телескопосом», заряжены новооткрытыми комбинированными лучами небулия и некоего элемента, гостя далеких солнечных систем, имя которому — «Тайна». В случае возможной моей гибели, формулу «Тайны» найдут записанной в Золотой Книге Федерации, под сегодняшним числом. Ключ к формуле находится у хранителя тайн Федерации, имя которого известно председателю совета

Федерации и его заместителю; ключ может быть раскрыт одному из этих лиц после моей смерти. Вновь открытая сила названа мною, для краткости, «Омега-лучами небулия». Скорость лучей — 280.000 километров в секунду. Дальность метания — неограниченная. Основное свойство — превращать всякую встречную материю в некий первичный элемент. Формула действия — H.D.05VF.K.0510. Подробности — в особой инструкции, заключенной в самом истребителе: нажать одновременно кнопки 3 сверху и 7-ую снизу. Дальнейшие распоряжения по ведомству Технических Сил будут рассылаться своевременно и обычными путями. Слава Великой Федерации!».

Слава величайшему Роне Оро-Беру! — восторженно крикнули члены собрания.

Раздался голос Гени Оро-Москва:

— «Привет вождям «Х. Л.»!».

— Привет гордости Федерации — Гени Оро-Моску! — ответили присутствующие.

— «Полномочные члены Военного Совета! Достоверно известно, что час наступления наших сил и сил противника — совпадает. Побеждает тот, кто опережает. Предлагаю ускорить момент нашего выступления и считать началом открытия военных действий 24 часа текущих суток, вместо фиксированных ранее 4 часов следующего дня. Вам известно, что все приготовления закончены и аэрофлот может выступить в любую минуту. Жду

согласия правомочного собрания!».

Гени Оро-Моск умолк.

— Ставлю вопрос на баллотировку. Кто за предложение начальника международного флота? — объявил председатель. — Единогласно!

Радиофон ответил:

— «Благодарю высокое собрание за доверие и постараюсь его оправдать! Час наступления установлен. Предлагаю командующим частями в назначенный срок быть на своих постах. Очередные распоряжения — обычным путем. В целях спокойствия членов собрания, считаю не лишним заметить, что настоящий обмен мнений произошел по тайному подземному кабелю радиофона и не может быть известен никому, за исключением собравшихся кавалеров X. L. Слава Федерации!».

— Слава Федерации! Честь нашим вождям!

Присутствующие поднялись со своих мест и торжественные звуки гимна Федерации огласили своды подземного зала.

Глава одиннадцатая

Все относительно

В 23 часа 40 мин., на исходе текущих суток, флагманское судно начальника междупланетного флота, подаренное Роне Оро-Бером, покинуло пределы земной атмосферы и окунулось в

мертвящий холод безвоздушного пространства.

На первый взгляд санаэрожабль не отличался от миллионов других, подобных ему, боевых единиц. Та же бесцветность вида, та же сигарообразная форма, рассчитанная на деформацию, тот же строительный материал, непрерывно излучающий теплоту, те же средства преодоления закона инерции и те же приспособления для искусственного дыхания.

Внутреннее устройство существенно разнилось от обычного типа. Здесь нашло применение все, что дала новая техника последних месяцев.

Весь арсенал средств истребления и защиты был заключен в самом корпусе судна и составлял с ним как бы одно органическое целое.

Два небольших, портативных, но колоссальной силы рефрактора, свободно движущиеся на своих осях, помещались в передней и задней частях судна.

Измерители времени, скорости движения, сжатия тела, силы давления окружающей среды, указатели нахождения в пространстве, равно как и рассеиватели встречной космической пыли, — действовали автоматически и непрерывно, записывая свои указания на многочисленных циферблатах.

Ряд небольших перископов, расположенных

снаружи, улавливал каждый луч света, откуда бы он ни исходил. Вся световая масса автоматически собиралась в специальных баллонах, где распределялась по свойствам электронов и шла на пополнение энергии, израсходованной теми или иными аппаратами санаэрожабля.

На корабле находились: командующий флотом Гени Оро-Моск, ученый Роне Оро-Бер, капитан-пилот и два механика. Последние трое помещались в носовой машинной каюте.

В точке подъема, на Гималаях, в это время царилась ночь. Аппарат высоты показывал 50.000 километров над поверхностью Земли.

— Сделаем «обход» Земли в восточном направлении, — предложил Гени.

— Да, это будет не лишнее, — согласился Оро-Бер.

Колоссальный абрис Земли в это время плыл внизу бледно-пепельным пятном неправильной формы, с более светлым восточным краем, закрывая почти половину черного полога неба, обильно испещренного разноцветными, не мерцающими точками. Сияние на востоке быстро увеличивалось. Ярко выделился гигантский радужный серп. Безформенное пепельное пятно расплзлось вширь. Более светлое его ядро, в виде сдавленного круга, как крепнущая стальная пружина, разжималась, принимая округлые

очертания. Еще несколько секунд — и радужный серп достиг нестерпимой яркости. Вот он на момент вспыхнул ослепительным огнем и стал гаснуть. Из огненного моря выплыл небольшой кроваво-красный диск, повисший в зияющей черноте неба, — взошло солнце.

Машина людей обгоняла плетущуюся черепашью шажком старушку-Землю.

Внизу, ровным, темно-синим бархатом проплыл Тихий океан, сверкнули под солнечными лучами части разорванного на двое материка Америки и быстро ускользнули из под ног.

Красный, лишенный лучей, шар солнца, торопливо миновав зенит, падал куда-то вниз. Вот он снова погрузился в земную атмосферу, на момент зажег ослепительный пожар и исчез за быстро тающим гигантским полукружием.

В несколько минут сутки миновали и наступила снова ночь.

— Все, как обычно, и ничего нового, — проговорил, позевывая, ученый.

— Ну, а пока старушка-Земля плетется своим проторенным путем, я, полагаю, будет не лишним проведать ее подневольного спутника, — шутливо сказал Гени. — Вы как смотрите на это, учитель?

— Пусть будет так. Эта Луна для нас — настоящая Ахиллесова пята. Возможно, что неприятель, действительно, обратит на нее сугубое

внимание.

Санаэрожабль, увеличив ход, направился к Луне, серебристым диском висевшей на черном фоне.

Для находившихся внутри сигары получалось впечатление полной неподвижности, и только измеритель скорости отмечал на светящемся циферблате, что закон инерции преодолевается успешно и скорость движения машины увеличивается прогрессивно.

Вокруг стоял абсолютный мрак, как будто все окружающее было задернуто густым черным покрывалом, изрешеченным тысячами крошечных, спокойных, немигающих отверстий. Человек, незнакомый с обстановкой, даже при самой пылкой фантазии, не мог бы себе представить, что эти пулевые отверстия — звезды, — такие живые, ласково манящие с Земли и такие жалкие, ничтожные отсюда.

Диск Луны заметно рос и увеличивался по мере движения вперед. Позади за кормою корабля, заполнив собою едва ли не четверть горизонта, плыл другой бледно-туманный диск. Он быстро уменьшался в объеме и по мере уменьшения один его край вырисовывался яснее.

Скоро настал момент, когда оба диска сравнялись в величине, и в то время, как впереди лежащий, неудержимо ширясь и все ослепительнее

сверкая, как бы падал вниз, — лежащий позади, тускнея, поднимался к зениту.

Роне Оро-Бер и Гени Оро-Моск сидели в покойных креслах, погруженные каждый в свои думы.

Навстречу им плыло, неудержимо разбухая, круглое, слегка сплющенное тело, неравномерно, освещенное, с изодранными краями, все испещренное яркими воронкообразными арабесками, — как будто густо усыпанное гвоздями с огромными блестящими, но помятыми шляпками.

Скоро это тело заслонило весь горизонт и как-то незаметно наступил момент, когда слабо ощутилось падение машины вниз.

Проверив могучую заградительно-сторожевую линию судов, начальник флота отдал по хаосографу последние распоряжения.

— Момент, когда наш молчаливый Спутник находится между Землей и Марсом. Хотя и ненадежный, а все же — щит, — заметил ученый.

Гени взглянул на светящийся хронометр.

— Абсолютное время показывает 23 ч. 50 м. Через десять минут должно начаться наше наступление.

— Наше присутствие здесь необходимо? — спросил Роне.

— Нисколько. Я отдал все нужные

распоряжения, — ответил начальник флота.

— Тогда — вперед!

Машина, наподобие юркого спутника, понеслась, огибая планету.

Светлые арабески на Луне танцовали бешеный танец, переливаясь как в калейдоскопе и постепенно угасая. Скоро на месте диска осталось слабо светящееся матовое пятно неправильной, расплывчатой формы.

— Обратная сторона медали! — сказал шутливо ученый.

— Да. Вечные снега, которые с момента своего образования не видели ни одного солнечного луча, — отозвался Гени.

Старик рассмеялся:

— Мне пришла в голову забавная мысль, мой друг. Что, если бы поэты древности, исписавшие томы о красоте царицы ночей — Луны, могли увидеть свою возлюбленную в таком ночном неглиже, так сказать, как вы полагаете, это не остудило бы их пылких чувств?

Гени засмеялся в свою очередь.

— Ваша мысль, учитель, подтверждает лишний раз старую философскую истину, что в мире — «все относительно».

Глава двенадцатая

Похороны в безвоздушном

пространстве

— 500.000 километров от Земли, — сказал Гени Оро-Моск, следя за измерителем пространства.

— А, наша заградительная линия! — отозвался ученый, выходя из задумчивости.

— Проверим расположение истребителей!..

Начальник флота перешел в соседнее отделение, ученый последовал за ним.

Там, занимая собою целую стену, слабо светился жемчужный экран, в центре которого плыли два сферические тела неравной величины.

Гени и Оро-Бер поместились у аппарата перед экраном и надели на глаза специальные окуляры.

Тела отодвинулись в глубь, выросли и стали отчетливее. Теперь каждый без труда узнал бы в них Землю с ее спутником. Вокруг планет, на равном друг от друга расстоянии, пестрела целая гирлянда точек.

— Все на месте! — с удовлетворением констатировал начальник; флота. Теперь взглянем, что делается у неприятеля.

Поворот рычага — картина исчезла. На месте ее появилась новая.

Ярко сверкнула замысловато разграфленная планета, с близко плывущими около нее двумя крошечными спутниками.

На стороне Марса, обращенной к Земле, был день. Увеличив систему до желаемой величины и яркости, наблюдатели увидели картину сильного оживления, царившего в стане неприятеля. Там и здесь, бросая скользящие тени на поверхность планеты, проносились, как бы легкие тучки: это эскадрильи воздушных кораблей проделывали свои, быть может, последние эволюции.

— Малютки пока защищены слабо, — обратил ученый внимание Гени на спутников Марса.

— Да, момент благоприятный. Через два часа один из них спрячется за спину матери и будет для нас недосыгаем, — пошутил Гени. — Не будем, медлить, учитель? — добавил он полувопросом.

— Во славу Федерации! — ответил старик.

— Да будет! Во славу Федерации!

Гени переменял картину. Снова показалась лунно-земная система в ореоле точек.

Начальник флота по хаосографу отдал распоряжение начать передвижение:

«Всем участвующим в атаке! Движение вперед на 35 миллионов километров! Скорость — 100.000 килом. в секунду. По выполнении задания остановка до новых распоряжений. Марш!».

Миллионы точек на экране, черкнув по светлому фону, в мгновение ока исчезли из поля зрения. На месте осталась лишь поредевшая цепь

передовой линии.

Убедившись в выполнении распоряжения, начальник флота восстановил на экране картину Марса и отдал приказание в машинное отделение:

— Скорость 100.000 килом. в секунду.
Вперед!

Наступило недолгое молчание.

— Великая эпопея начинается! — не без торжественности проговорил Гени.

— Эпопея ли, дитя мое? Скорее — эпизод. Эпизод, и притом довольно непродолжительный. Через 6 минут мы будем на полпути между Землей и Марсом, а еще через шесть — многое может измениться в обстановке нашего крошечного муравейника... Однако, взгляните на экран!.. Неприятель, несомненно, заметил наше движение, — неожиданно закончил ученый.

Действительно, от ярко освещенной поверхности Марса протянулись по всем направлениям темные линии, расходящиеся радиусами.

— Да, неприятель строится в боевой порядок, — подтвердил Гени. — Посмотрите, какие силы направляются к обоим спутникам!..

Картина на экране начала бледнеть и заволакиваться сероватым туманом.

— Ого! Это что-то новое? — с интересом воскликнул Роне.

— Они выбросили искусственные пары, — слегка заволновался Гени.

— «Замутили воду», — так сказать. — Прием, к которому в животном мире прибегают многие особи. Однако в таком колоссальном масштабе этот прием применяется, несомненно, впервые. Это делает честь изобретательности неприятеля! — почти с восторгом закончил ученый.

— Пары все сгущаются!..

Роне Оро-Бер задумался и даже потер свой высокий лоб.

— Какое это может иметь практическое значение? — соображал он.

— 33 мил. километров... 34... — считал Гени. — Через десять секунд мы будем на месте.

— А! Понимаю! — вскрикнул ученый. — Иррадиация! Они рассчитывают, что мы не в состоянии будем метко нащупывать мишени! Посмотрим! Жалкая уловка аиста!

— 35 мил. километров. Стоп! — скомандовал начальник флота в машину.

— Уже? Неужели пролетело шесть минут? Однако, как быстро течет человеческая жизнь, даже в междупланетном пространстве, — добродушно ворчал старик, снова входя в свою роль спокойного наблюдателя.

Оро-Моск проверил, точно ли выполнено задание.